59 7/127

№ 1603

59 7/127

„Св. Іоаннъ Златоустъ".

КО ДНЮ ПРАЗДНОВАНІЯ

1500-лѣтія

СО ДНЯ ЕГО КОНЧИНЫ

(407—1907 года).

Калуга.
Типо-литографія Губернскаго Правленія.
1907.

Библиотека Государственного Университета
1962

Іоаннъ Златоустъ
Архіеп. Цареградскій

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 345859
193 г.

„Св. Іоаннъ Златоустъ".

Ко дню празднованія 1500-лѣтія со дня его кончины (407—1907 г.).

Св. Іоаннъ, „свѣтильникъ міра", учитель вселенной, столпъ и утвержденіе Церкви", представляетъ собою самый величавый образъ проповѣдника первыхъ вѣковъ христіанства. Его грозное, огненное слово и *обличило* и *освѣтило* древній міръ, по имени христіанскій, но погруженный въ бездну разврата и всякаго беззаконія. Однако злоба людская возстала на Іоанна, и онъ окончилъ славную жизнь свою въ тяжкомъ изгнаніи.

Св. Іоаннъ родился въ Антіохіи въ 347 г., въ богатой и знатной семьѣ. Отецъ его скончался, когда онъ былъ младенцемъ въ колыбели; а матери его Анфусѣ тогда не было еще 20 лѣтъ. Всею горячностію страстной и скорбно-одинокой души она привязалась къ своему ребенку; она забыла красоту свою и молодость, и вся ея жизнь точно ушла въ жизнь ея сына. Она воспитала душу его; то, что дала ему ея любовь, осталось для него тѣмъ чистымъ источникомъ, изъ котораго онъ черпалъ отраду и силу до конца своей жизни. Образованіе Іоаннъ получилъ въ школахъ языческихъ. Своими блистательными способностями и столь же блистательными успѣхами онъ поражалъ и товарищей и преподавателей. Отъ Антіохійскаго епископа Мелетія Іоаннъ принялъ крещеніе и былъ назначенъ чтецомъ при церкви. Эта должность посвящала его на служеніе Богу и давала ему право читать съ церковнаго амвона Священное Писаніе. Возрожденная душа Іоанна жаждала подвига. Его стала привлекать монашеская жизнь съ ея безконечнымъ самоотреченіемъ, и онъ рѣшился было навсегда удалиться въ пустыню. Но та самая любовь матери, которая воспитала его для Бога, теперь удержала его отъ этого рѣшенія: Іоаннъ внялъ мольбѣ матери и оставался съ нею до самой ея кончины. Когда же ея не стало, открылось для него вожделѣнное пустынножительство. Іоаннъ удалился въ одну изъ обителей близъ Антіохіи и отдалъ себя духовному руководству старца, извѣстнаго необык-

[illegible]

новенно строгимъ самоумерщвленіемъ, и подъ этимъ руководствомъ прожилъ четыре года въ непрестанныхъ трудахъ, вынося необычайныя лишенія. Затѣмъ, не довольствуясь этимъ подвигомъ, онъ удалился въ уединенную пещеру и тамъ, посвящая все свое время молитвѣ и глубокимъ богословскимъ занятіямъ, въ теченіе двухъ лѣтъ велъ самую суровую, строго отшельническую жизнь. Здоровье его не выдержало, силы надломились..., тогда онъ рѣшился покинуть любимую пустыню и вернуться на свою родину—въ Антіохію.

Изъ шестилѣтней иноческой жизни Іоаннъ вынесъ глубокое знаніе Свящ. Писанія, пламенную вѣру въ дѣйствительность всего невидимаго, и ту ясную проницательность, которая была присуща всѣмъ великимъ святымъ, выходившимъ въ міръ изъ глубины пустыни, гдѣ проводили они долгіе годы, точно скрытые въ „тайнѣ лица Божія“.

По возвращеніи въ Антіохію, Іоаннъ былъ посвященъ во діакона; а въ 386 году возведенъ въ санъ священника, и на него была возложена обязанность говорить поученія Антіохійскому народу. Въ продолженіе 12 лѣтъ раздавалась проповѣдь Іоанна въ Антіохіи. Со временъ Апостоловъ не слышенъ былъ столь могучій призывъ къ покаянію, къ Богу. Однихъ христіанъ въ Антіохіи было 100 тысячъ душъ, но и евреи и язычники стекались толпами слушать его слово, которое возбуждало восторгъ даже тѣхъ, чья душа оставалась безчувственною. Какъ нѣкогда великіе пророки, онъ „глаголомъ жегъ сердца людей“, и громкія рыданія были отвѣтомъ на его пламенныя слова. Церковь Апостоловъ, въ которой онъ проповѣдывалъ, стала центромъ Антіохійской жизни. Въ избыткѣ своихъ чувствъ народъ называлъ его то сладкоглаголивымъ, то медоточивымъ, то устами Божіими. *Златоустымъ* назвала его одна простая женщина, которая, однажды слушая его, воскликнула: „учитель душъ нашихъ, Іоаннъ—золотыя уста, ученіе твое глубоко, но слабый умъ нашъ не все можетъ вмѣстить!“ Съ этого времени и весь народъ сталъ называть его Златоустымъ, и сама Церковь удержала за нимъ это наименованіе.

Особенно величественно выступаетъ образъ І. Златоуста въ исторіи мятежа Антіохійскаго. Дѣло было такъ. Народъ, раздраженный новымъ налогомъ по случаю военныхъ обстоятельствъ, произвелъ открытое возмущеніе: чернь, доведенная до ярости разными подстрекателями, свергла императорскія статуи, волочила

ихъ по улицамъ и наконецъ, разбила въ куски съ дерзкими насмѣшками и ругательствами. Къ ужасу народа разнесся слухъ, что разгнѣванный императоръ поклялся разрушить Антіохію дотла и предать смерти всѣхъ ея жителей. Престарѣлый епископъ Флавіанъ рѣшился самъ отправиться въ Константинополь умолять императора о помилованіи виновныхъ, но раскаивающихся Антіохіянъ. Много дней должно было пройти прежде, чѣмъ народъ узналъ о рѣшеніи императора; страхъ смерти овладѣлъ всѣми. И этимъ именно часомъ ужаса воспользовался Іоаннъ, чтобы привлечь народъ къ Церкви. Начался Великій постъ. Іоаннъ каждый день проповѣдывалъ. Никогда, вѣроятно, Великій постъ не имѣлъ въ Антіохіи такого отпечатка святой торжественности: цирки и театры опустѣли, на улицахъ не слыхать было пѣсенъ, даже лавки закрылись, всѣхъ объяло молитвенное настроеніе—весь городъ превратился точно въ одну великую церковь. Къ самому празднику Пасхи возвратился Флавіанъ съ вѣстью о милосердіи. Весь городъ собрался въ храмъ: неизъяснимая, свѣтлая радость, въ которой сливалось чувство раскаянія, любви и благодарности, охватила всѣхъ. Это знаменательное событіе послужило къ славѣ вѣры Христовой. Никто не утѣшалъ, не одушевлялъ, не поддерживалъ народа въ часъ испытанія, кромѣ І. Златоуста. Множество язычниковъ пожелало послѣ этого событія войти въ Церковь Христову. Еще многіе годы трудился І. Златоустъ въ Антіохіи, и съ каждымъ днемъ возрастала восторженная любовь къ нему народа.

Но какъ ни горячо былъ привязанъ Іоаннъ къ своей Антіохійской паствѣ, однако ему пришлось внезапно покинуть ее: Богу угодно было призвать его на новое служеніе.

Слава Іоанна, какъ проповѣдника, гремѣла въ имперіи; когда скончался въ Константинополѣ архіепископъ Нектарій, по единодушному желанію императора и всего народа онъ былъ призванъ занять каѳедру столицы. Чтобы избѣжать сопротивленія, Іоанна вызвали изъ Антіохіи обманомъ. Въ Константинополѣ онъ былъ восторженно привѣтствованъ народомъ. Однако плачевно было въ то время состояніе Константинопольской Церкви: запущеніе чувствовалось во всемъ, а распущенность нравовъ была ужасающая.

Съ перваго раза І. Златоустъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе. Ему недоставало той внушительной наружности, ко-

тирь сразу дѣйствуетъ на воображеніе народа: онъ былъ малаго роста и изможденнаго вида; одни только удивительно проницательные глаза придавали особое выраженіе блѣднымъ чертамъ его. Доступный для бѣдныхъ и страждущихъ, онъ могъ казаться надменнымъ и рѣзкимъ въ отношеніи къ знатнымъ и праздным посѣтителямъ. Строгій образъ его жизни, съ утра до ночи исполненной трудовъ непрестанныхъ, не могъ нравиться среди разврата роскошной столицы. Поднялись обвиненія; но сильный сознаніемъ своей правоты, Іоаннъ безмолвствовалъ, не отвѣчая на нападки, направленныя лично противъ него. Въ дѣлѣ же Божіемъ онъ не могъ уступать никому—и какъ громъ съ неба, разразилось его грозное слово; ничто не могло остановить его негодующаго обличенія, и ничего не могло утаиться отъ него. Столица не привыкла къ такому слову, и оно показалось невыносимымъ всѣмъ инымъ, къ кому относилось обличеніе: богатымъ, утопавшимъ въ роскоши и развратѣ, властителямъ, забывшимъ долгъ власти, хищникамъ и неправеднымъ судіямъ.

Между тѣмъ, Іоаннъ умножалъ труды свои и мало-по-малу заря новаго дня начала озарять Церковь. Въ селеніяхъ созидались новые храмы; призывая народъ къ молитвѣ, Іоаннъ всячески старался возстановить Богослуженіе во всей его красотѣ. Дѣйствуя словомъ и примѣромъ, онъ пріучилъ духовенство исполнять долгъ святого служенія, и Церковь точно воздвигалась вновь, и народъ толпами стремился къ ней. Восторженная любовь, которую Іоаннъ сумѣлъ возбудить къ себѣ въ Антіохіи, возгорѣлась къ нему и среди новой его Константинопольской паствы. И самъ онъ всею душою привязался къ ней: „вы“, говорилъ онъ народу, „вы мои отцы, мои братья, мои сыновья, мои члены, мое тѣло, моя жизнь, мой вѣнецъ, мое утѣшеніе, мой свѣтъ!“

Но Господь судилъ великому святителю перенести великое испытаніе. Тяжело останавливаться на послѣднихъ годахъ жизни Іоанна, видѣть какъ торжествовали низость и насиліе, какъ страдала святая добродѣтель.

Императрица Евдоксія, царедворецъ Евтропій и Ѳеофилъ Александрійскій—вотъ имена нечестивыхъ, не стерпѣвшихъ проповѣдника и погубившихъ его. Враги Іоанна успѣшно воспользовались самолюбіемъ императрицы, передавая ей слухи о намекахъ на нее, которые патріархъ будто бы позволялъ себѣ дѣлать въ

59 I/127 инв. 345859
И.

БИБЛІОТЕКА

проповѣдяхъ своихъ. Этого было достаточно, чтобы возбудить чувство мести въ гордой, властолюбивой душѣ царицы; а въ совѣсти своей она должна была сознавать, что не чужда тѣхъ пороковъ, которые обличалъ Іоаннъ, угрожая за нихъ судомъ Божіимъ. Евдоксія жаловалась императору; Іоанну дѣлались выговоры за его смѣлыя рѣчи, а онъ отвѣчалъ: „я—епископъ, и мнѣ вручено попеченіе о многихъ душахъ. Если царица не знаетъ зла за собою, то ей не за что сердиться: я обличаю беззаконіе, никого не называю, но учу всѣхъ не дѣлать зла“. Раздраженная достоинствомъ епископа, Евдоксія не могла уже владѣть собою. Она приблизила къ себѣ враговъ Іоанна и вмѣстѣ рѣшили созвать соборъ для обсужденія обвиненій, взводимыхъ на І. Златоуста.

Соборъ, составленный изъ 36 епископовъ, выбранныхъ изъ среды враговъ Іоанна, открылся въ селеніи близъ Халкидона, на противоположномъ Константинополю берегу Босфора. Всѣхъ обвиненій было 29—и всѣ они были основаны на самой наглой клеветѣ; Іоанна обвиняли между прочимъ въ оскорбленіи императрицы, которую онъ будто бы дерзнулъ всенародно сравнить съ Іезавелью. Беззаконный соборъ произнесъ низложеніе патріарха, приговоривъ его къ изгнанію, и приговоръ былъ утвержденъ императоромъ.

Когда вѣсть объ этомъ разгласилась, весь народъ пришелъ въ волненіе. Со всѣхъ сторонъ Константинополя устремился онъ къ соборному храму Св. Софіи и архіерейскому дому. Въ городѣ стали ходить самые тревожные слухи. Взволнованный народъ наполнялъ церкви, молясь за Іоанна, или толпился на соборной площади, чтобы хоть издали увидѣть архіепископа, или услышать звукъ его голоса. Среди общаго смятенія одинъ Іоаннъ былъ спокоенъ. „Никто и ничто не можетъ разлучить насъ“, такъ говорилъ онъ своей паствѣ: „мы раздѣлимся мѣстомъ, но любовію останемся соединены; даже смерть не можетъ разлучить насъ: хотя умретъ мое тѣло, но душа будетъ жива и никогда не забудетъ о семъ народѣ. Не тревожьтесь настоящими событіями; въ одномъ покажите мнѣ любовь вашу—въ непоколебимой вѣрѣ. Я же имѣю залогъ въ Господѣ и не на свои силы полагаюсь. Христосъ со мною: кого мнѣ бояться? Что Богу угодно, то да будетъ. Если Ему угодно оставить меня здѣсь, благодарю Его;—взять отсюда: опять благодарю Его“. Іоанну велѣно было немедленно оставить городъ. Онъ поспѣшно вступилъ на корабль, уже готовый

принять его, и ночная темнота скрыла отъ взоровъ народа удалившагося святителя. Послѣ отъѣзда Іоанна смятеніе все росло: утромъ другого дня народъ попрежнему наполнялъ храмы, толпился на улицахъ и площадяхъ, возсылая горячія моленія о любимомъ пастырѣ и негодуя на враговъ его. Ночью произошло сильное землетрясеніе. Подземные удары были особенно сильны около царскаго дворца и въ самомъ дворцѣ. Императрица въ ужасѣ вся въ слезахъ, просила императора возвратить „праведника“, боясь погибели. Она сама написала Іоанну письмо и именемъ Бога умоляла его возвратиться. За первымъ посланнымъ послѣдовалъ второй, третій: такъ нетерпѣливо ожидала испуганная императрица возвращенія Іоанна. Народъ узналъ о случившемся, и вскорѣ весь заливъ Константинопольскій покрылся лодками; всѣ спѣшили навстрѣчу святителя; къ ночи лодки освѣтились факелами; по всему берегу зажглись огни; и архіепископъ вернулся при радостныхъ кликахъ народа. Іоаннъ отказался вступить въ городъ, пока низложеніе его не будетъ отмѣнено новымъ соборомъ епископовъ. Настроеніе же народа было такъ мятежно, что императрица умоляла его прибыть немедленно: ради общаго успокоенія, онъ исполнилъ ея желаніе. Предшествуемый и сопровождаемый народною толпою, при звукахъ торжественнаго пѣснопѣнія, онъ вступилъ въ городъ и вошелъ въ храмъ свой. Въ храмѣ онъ благословилъ свой народъ, громко восклицая: „Благословенъ Богъ, удаливній меня! Благословенъ Онъ, возвратившій меня! Благословенъ Богъ, попустившій бурю, и благословенъ Онъ, укротившій ее“!

Новый соборъ изъ 65 епископовъ объявилъ незаконность собора, осудившаго Іоанна. Но вслѣдъ за этимъ просвѣтомъ, осіявшимъ жизнь І. Златоуста, стали снова скопляться надъ нимъ мрачныя тучи. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ императрица успѣла оправиться отъ суевѣрнаго ужаса. Отуманенная высотою власти, до которой она теперь достигла, она пожелала, чтобы ей была воздвигнута статуя посреди города. Статуя была поставлена на площади противъ храма св. Софіи, и открытіе ея ознаменовалось шумными празднествами совсѣмъ языческаго характера: крики, громкія пѣсни, звуки музыки долетали до храма и во время богослуженія заглушали церковное чтеніе и пѣніе. Іоаннъ тогда произнесъ въ церкви сильную рѣчь противъ зрѣлищъ. Импера-

трицѣ донесли, что въ этой рѣчи встрѣчались слова: „Опять Иродіада пляшетъ, опять Иродіада волнуется; опять требуетъ главы Іоанна!..“. Еще яростнѣе запылала ея ненависть противъ архіепископа.

Приближался праздникъ Пасхи, который нигдѣ въ христіанскомъ мірѣ не совершался съ такою торжественностью, какъ въ Царьградѣ, въ соборномъ храмѣ св. Софіи. Императоръ, желая показать, что онъ признаетъ *незаконнымъ* положеніе І. Златоуста, отказался принять отъ него св. Тайны и велѣлъ сказать святителю, чтобы онъ не являлся въ соборъ. Въ великую субботу, какъ только началась священная служба, толпа вооруженныхъ воиновъ съ шумомъ ворвалась въ храмъ и силою извлекла изъ него архіепископа. Народъ сталъ защищать его, многіе были ранены и убиты; крики ужаса, звукъ оружія, плачъ женщинъ, стоны раненыхъ и умирающихъ наполнили храмъ. Іоанна отвели въ его домъ и держали какъ бы въ заточеніи. Около праздника Пятидесятницы ему былъ предъявленъ приговоръ объ изгнаніи. Какъ и въ первый разъ пришлось ему удалиться тайно. Подозрѣвая случившееся, народъ поспѣшилъ къ морю, но увидалъ удалявшійся уже корабль. Поднялась буря, а въ ночь въ Соборѣ Св. Софіи вспыхнулъ пожаръ, который разрушивъ, храмъ, зданіе сената, богатые дома, окружавшіе площадь, и угрожалъ царскому дворцу. Враги Іоанна не постыдились указать на него, какъ на виновника этого бѣдствія.

Между тѣмъ больной и одинокій святитель продолжалъ путь къ мѣсту своего изгнанія. Вездѣ встрѣчали его съ любовію, но самое путешествіе было намѣренно устроено такъ, чтобы причинить ему наибольшее страданіе. Больной, изнуренный лихорадкою, онъ послѣ 70-ти—дневнаго мучительнаго пути достигъ, наконецъ, деревни Кукузъ въ горахъ Арменіи. Здѣсь, въ жалкой деревнѣ онъ встрѣтилъ столько радушія и сочувствія, что стало оживать его истомленное сердце, Все, что было возможно, было сдѣлано епископомъ Адельфіемъ и жителями, чтобы облегчить положеніе великаго страдальца.

Среди глубокихъ лишеній и тяжкихъ немощей, І. Златоустъ въ теченіе трехъ лѣтъ продолжалъ писать и трудиться для Св. Церкви. Онъ продолжалъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ въ Константинополѣ: *свѣтильникомъ вселенной*. Онъ переписывался со многими

...СР
...195 г.

...ископами Запада и Востока, съ разными монастырскими общинами и велъ бесѣды съ многочисленными посѣтителями, которые приходили къ нему изъ Антіохіи и даже изъ Константинополя. Возрастающее его вліяніе скоро стало ужасать враговъ его. Было рѣшено нанести послѣдній ударъ великому святителю. Въ іюнѣ 407 года вышелъ приказъ, чтобы І. Златоустъ со всевозможною скоростію былъ отведенъ двумя солдатами въ городокъ Пиціунтъ на дальнемъ берегу Чернаго моря, гдѣ былъ послѣдній предѣлъ Имперіи.

Солдатамъ было, повидимому, дано повелѣніе влачить великаго мученика впередъ со всѣми возможными оскорбленіями и жестокостями, въ надеждѣ, что онъ умретъ во время путешествія, не вынесши муки. Приказъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе со звѣрскою жестокостію. Послѣ трехмѣсячнаго путешествія, возлѣ города Команы, Іоаннъ былъ въ такомъ изнеможеніи, что пришлось остановиться. Остановились возлѣ склепа на могилѣ мученика Василиска. І. Златоусту въ видѣніи явился этотъ замученный епископъ, чтобы утѣшить его обѣщаніемъ скораго избавленія отъ страданій. На другое утро, не смотря на жалкое состояніе Іоанна, его опять безжалостно повлекли впередъ. Но скоро приближеніе смерти стало такъ очевидно, что его поспѣшили принести назадъ къ могилѣ мученика. Здѣсь была исполнена послѣдняя его просьба: его облекли въ бѣлыя крещальныя одежды, и, принявъ св. Причащеніе, онъ скончался со знаменательными словами на устахъ: „Слава Богу за все! Аминь“. Это было 14 сент. 407, ровно полторы тысячи лѣтъ тому назадъ.

Тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти святителя, его мощи были съ торжествомъ перенесены въ Константинополь, и народъ съ благовѣйною радостію встрѣтилъ останки святого страдальца.

„Устъ твоихъ якоже свѣтлость огня возсіявши благодать, вселенную просвѣти, не сребролюбія мірови сокровища сниска, высоту намъ Смиренномудрія показа: но твоими Словесы наказуя, отче, „Іоанне Златоусте, моли Слова Христа Бога, спастися душамъ нашимъ“. (Троп. Святителю).

Перепеч. изъ Калуж. Церк.-Общ. Вѣстн. за 1907 г. № 28.